

ТИП IMITATIO ANGELI И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ

В.Г. РАСПУТИНА

Чернобылова Е.К.,

научный руководитель д-р филол. наук, проф. Ковтун Н.В.

Институт филологии и языковой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Творчество В. Г. Распутина в современном литературоведении принято рассматривать в контексте христианского мировидения, во всяком случае, на этом настаивает сам автор. В рамках данного исследования нас будет интересовать реализация образа ангела в знаковых текстах писателя. Для исследования функционирования сакрального образа в профанном тексте следует обратить внимание на средневековую поэтику и принцип *imitatio*, о котором пишет Т. Р. Руди. Наиболее яркое выражение этот литературный феномен получил, пожалуй, в агиографии – жанре, который отличают особая формализованность, ориентация на художественный канон и этикетность. Большинство типов святости, как представляется, может быть определено, помимо характеристики подвига святого, ориентацией на тот или иной духовный авторитет – сакральный образец [Руди, 2003. С. 48]. Исследуя группы агиографических топосов с точки зрения принципа *imitation*, ученая выделяет важнейшие типы топики: топосы *imitatio Christi* в житиях мучеников, *imitatio apostolic* (или *imitatio Constantini*) в миссионерских житиях (житиях просветителей народов), *imitatio Mariae* в житиях праведных жен и другие.

Особый интерес для исследователя представляют тексты древнерусских житий преподобных, где часто встречается мотив уподобления монашеской жизни жизни ангела. Такой тип художественного уподобления в системе поэтики *imitatio* можно определить как *imitatio angeli* [Руди, 2003. С. 50]. Работа Руди представляет для нас интерес, так как включает в себя описание литературных формул, сравнений, сюжетов и мотивов подражания/уподобления ангелам на примере монашеских житий, которые можно назвать истоками появления в русской литературе образа ангела (после Библии).

Прежде чем перейти к анализу образа на базе конкретного произведения, стоит выяснить функциональное и семантическое значение образа ангела в русской культуре. В энциклопедии «Христианство» ангелы в узком смысле понимаются как «личные, духовные существа, сотворённые Богом; они возвещают людям волю Божию и исполняют на земле Его веления. <...> Ангелы являются слугами Божьими, которым поручается защищать праведных, расстраивать козни демонов, возносить молитвы людей к Богу...» [Аверинцев, 1993. С. 73-74].

Не случайно для данного исследования выбрано творчество Валентина Григорьевича Распутина – одного из крупнейших писателей-почвенников в литературе второй половины XX века. В творчестве художников-традиционалистов сохраняются модели средневековой культуры [Ковтун, 2009. С. ?].

Наиболее изученными на сегодняшний день являются повести писателя «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Пожар», принесшие ему признание не только в России, но и за рубежом. Складывается устойчивое представление о В. Распутине как об авторе повестей, а рассказы автора считаются менее значительными [Углова, 2006. С. 3]. Последние из них, как и публицистические выступления, вызывают неоднозначную реакцию критиков, одни считают, что «писать особенно и не о чем», ибо художественный уровень сочинений прозаика всё более спорен. Другие исследователи, напротив, уверены, что «в нынешней

литературе есть имена собственные, без которых представить её не сможем ни мы, ни потомки. Одно из таких имен – Валентин Григорьевич Распутин» [Там же. С. 4].

Одними из центральных образов всего творчества писателя являются образы ребенка и женщины. Традиционно, отношением ребенка и женщины проверялись все новации русской классики. Как правило, сближаются образы ребенка и ангела, матери и Богородицы (как земного воплощения Софии): Анна в повести «Последний срок» представлена, прежде всего, как мать в парадигме противопоставления своим детям, образ старухи приобретает софийные черты. Образ пятилетней Нинки в этой же повести далек от ангельского, однако в христианской традиции все младенцы безгрешны и не нуждаются в исповеди, сразу допускаются к Евхаристии (вспомним, что младенцами считаются все дети до семи лет). В «Прощании с Матерой» немой мальчик Коля наделен чертами юродивого (страдающего ради Христа), его облик отличается бестелесностью, ребенку дано знание о будущем, что сближает его с образом ангела.

Синтез детской невинности и женской мудрости мы видим в образах девочек: Танька из рассказа «В ту же землю...», Оля из «Поминного дня», Катя из «Нежданно-негаданно» – все они столкнулись с ситуациями, в которых «взрослость» не по своей воле наступает раньше. Однако в рамках данной работы мы остановимся на анализе рассказа В. Г. Распутина «Нежданно-негаданно», где образ ангела подсвечивает характеры главных героев.

Стоит отметить, что В. Г. Распутин никогда не называет своих героев случайными именами. Тем самым, предопределяя их судьбу. Катя – не исключение. Вспомним, что имя Екатерина предположительно восходит, по наиболее распространенной версии, к др.-греч. Αικατερίνη («Хайкатерине») – «вечно чистая»; ср. καθαρή – «чистый, благопристойный» [Суперанская, 2005. С. 284]. Имя Αικατερίνη (Αικατερίνα) связано с Екатериной Александрийской, раннехристианской мученицей, пострадавшей за веру, по преданию, в правление императора Максимиана Дазы (начало III века); она стала одной из самых почитаемых святых в христианской традиции.

Образ Кати в рассказе «Нежданно-негаданно» отмечен особым положением, девочка выведена из профанного дискурса, её образ ориентирован на иконографическую традицию: «А может, это Он, Бог, послал от Себя это ангельское создание, чтобы иметь чистое свидетельство?» Ангел в творчестве В. Распутина является как последнее свидетельство грехопадения человечества, чудесная девочка-дева призвана указать путь в укрытие, к Руси подлинной, первоначальной, той, что «за пеленой» (если следовать образу В. Г. Распутина в его «Манифесте»).

Образ ангела – один из глубинных образов русской культуры. Ангелы (от греч. αγγελοι – вестники) – «бесплотные сверхъестественные существа, сотворенные Богом прежде видимого мира, назначение которых заключается в служении Богу, борьбе с его врагами, воздавании ему почестей и посредничестве между Богом и человеком, передаче людям Божеств. воли» [Гуманитарный словарь, 2002].

Мир вокруг девочки делится на «свой» и «чужой». Первая встреча сироты с главным героем Сеней Поздняковым происходит в городе, среди полного хаоса. Герой видит перед собой собирающую милостыню девочку возле ступенчатого подъёма, словно спустившуюся с небес: «...точно слетевшую из сказки. <...> Сеня сначала не догадался, зачем она сидит среди этого хоть и затихшего по сравнению с «Шанхаем», но все-таки лежащего повсюду безобразия с нищими, медведем и бушующей музыкой, и только обратил внимание на ангельское личико лет пяти-шести, промелькивающее между проходящими. <...> Глаза, нос, губы, щеки – все было вылеплено на этом лице с удивительной точностью, чтобы ничто отдельно не выделялось, а вместе являло ангельский лик. <...> Нет, не лепилось это лицо взаимным наложением родительских

черт, а выдувалось, как из трубки стеклодува, небесным дыханием» [Распутин, 2005. С. 297]. Вспомним, что собирание подаяния – один из маркеров святости в христианской традиции («Житие Алексия, человека Божиего», неоднократно упоминается, что сам Христос в образе нищего просит милостыню, и т.д.).

Авторы монашеских житий наделяли ангельской внешностью святых; Т. Р. Руди приводит в качестве примеров фрагменты из Жития Никиты Переяславского: «Бяше бо подобиемъ аггелолѣпень...», из Жития Евфросина Псковского: «Увы мне, чадо мое драгое! Помилуй мать свою, покажи ми лице свое ангельское не тружай моя старости. <...> ныне, сыну мой, приидох к тебе, хотя утеху души своей от тебе, хотя видети образ твой равноаггельный, хотя утолити скорб жития своего» и др. [Руди, 2003. С. 51-52].

Все описания героини недвусмысленно указывают на ангельскую семантику: неземная красота, положение на лестнице-древа... Образ лестницы-древа открывает нам иной дискурс – вспомним лестницу Иакова, по которой ангелы ходят вверх и вниз, воплощая связь между земным и небесным. Кроме того, мотив чудесной лестницы отсылает к иконографическому изображению Богородицы. Описанию внешности Кати уделяется большое внимание. Например, одежде, которая, несмотря на ухоженность, изношена и потеряла свою яркость под влиянием обжигающего солнца, как и её жизнь потеряла детскую непринуждённость под давлением недетских испытаний: «На ней была синенькая курточка с большими накладными карманами и подвернутыми рукавами и плисовая оранжевая юбочка. То и другое старое, стираное, но чистое. Красные сандалики поверху потрескались» [Распутин, 2005. С. 298]. Трубецкой подчеркивает, что образ голубизны в сочетании с ярко-красным цветом – считается каноном при изображении Софии-Богородицы.

«Мы устали от грязной, оборванной нищеты, нам и нищету подавай красивенькую» - заметит Людмила, дочь Сени. Пригляд за девочкой, безусловно, был. На следующий день Сеня увидит её в платье «мягкой зелени с отложным воротничком и вышитым на груди цветком; на ногах белые, со шнуровкой, низкие туфельки». Катя, вопреки традиции изображения ангелов, является воплощением идеала женственности. Вышитый цветок на груди – ассоциируется с райским состоянием жизни и красотой, а также с идеей хрупкости и недолговечности красоты в земных пределах [Телицын, 2003 С. 495]. Но в момент, когда жизнь выставляется на продажу, кажется, что «ангельское лицо, с таким вдохновением слеплённое, пожалуй, не вздуто изнутри свечкой, которая бы его освещала и теплила <...>; лицо казалось тусклым. И всё же оно было красивым, очень красивым красотой иных краёв».

Потрясённый картиной первой встречи с небесным созданием, Сеня заметит про себя: «Господи, что же это на свете делается?!» Прохожие опускали деньги в раскрытый перед девочкой пакет и, «отходя, оборачивались, чтобы полюбоваться». Катя «склоняла головку» и «монотонно и печально» благодарила горожан и Бога: «Спасибо. Спасибо. Спаси вас Бог. Спасибо» [Распутин, 2005 С. 298]. Обсуждая проблемность авторской позиции в древнерусском житии, А. Л. Юрганов в работе «Древнерусский автор и топосы» в качестве одного из примеров приведет сюжет из библейской книги Товит. Товит – персонаж библейской истории, во время которой иудеи были наказаны Богом за непослушание. Книга Товита – это книга о праведнике, который всю свою жизнь ходил «путями правды и истины» <...>. Молитвы и скорбные слова Товита были услышаны Богом, который направил ангела Рафаила снять бельма с глаз Товита и освободить от злого духа Асмодея Сарру, ставшую затем женой Товия, сына Товита. Товий много странствовал с ангелом, назвавшимся Азарий. <...> Товит и Товия готовы были отдать Азарии половину серебра, которое имели, но тот открыл им свою тайну: он – Ангел и послан Богом. Речь ангела стала одним из важнейших

мотивов для всей русской агиографии: «Благославляйте Бога, прославляйте Его, признавайте величие Его и исповедуйте перед всеми живущими, что Он сделал для вас. Доброе дело – благославлять Бога, превозносить имя Его <...>; лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех. Творящие милостыни и дела правды будут долгоденствовать» [Юрганов, 2007. С. 343-344]. В этой же функции Свидетеля ангел появляется и в текстах Распутина.

В. Г. Распутин ранее уже представлял ангельский образ медсестры Наташи («Наташа», 1981): «...рослая и пухлая, но в пухлости своей какая-то вся аккуратная, без излишеств, и заманчивая, словно бы так с самого начала и задуманная, с широким, мягким, цветущим добротой лицом», она учила тяжело больного летать, но Наташа – ангел-хранитель героя, миссия Кати – объемнее. Кажется, что явление небесного существа должно принести в мир-хаос спасение, луч света, который уведет героев в мир покоя, гармонии и чистоты, спасёт их. Однако в рассказе «Нежданно-негаданно» не ангел ведёт людей: саму Катю постоянно крадут, увозят, прячут. Мир превращён в балаган, базар, когда предметом сделки становится ангел [Ковтун, 2009. С. 365].

Сеня встречает девочку с красным бантом на следующий день на берегу Ангары, принимает её в свой «табор», теперь его миссия – спасти ангела, перевезти Катю из города в деревню, в «укрытие»: «Она повернула к Сене лицо, настороженное, ожидающее, и смотрела, точно пытаюсь угадать, договорились или нет» [С. 300]. «Вялая какая-то, замороженная» – скажет Сеня женщине, спасающей ребенка.

Девочка ещё долго будет «оживать», отмалчиваться и одаривать лишь неоднозначными взглядами окружающих: «девочка слушала внимательно, но ни до коров, ни до бычка не дотягивалась воображением, лицо ее оставалось безразличным» [С. 307], «Катя слушала его внимательно и равнодушно, изредка поднимая глаза, пристально всматриваясь в Сеню и словно говоря: а ведь я уже старше, мне эти сказки рассказывать поздно <...> Скажут что-нибудь принести – на полдороге остановится и стоит, уставившись в одну точку. <...> Кобель тычет ее – она дергается безвольно, тряпично, как неживая. <...> На вопросы отвечала односложно, чаще кивая или отмахивая головой, слова произносила с усилием» [С. 312]. Однако само присутствие девочки пробуждает жизнь в других: «Сеня стал опять говорлив <...> вспомнил свою страсть фантазировать, выдумывать всякие истории, оставленную с тех пор, как подросли дети» [С.312], «Аришу расшевелить было трудно, да Катя и не умела, её самое надо было расшевелить. <...> Игра Аришу не занимала, она приходила полюбоваться на девочку из какого-то другого мира – чистенькую, аккуратную, необыкновенно красивую. Все уже знали, что у Поздняковых живет красивая девочка» [С. 320].

Постепенно и Катя «чуть оживлялась, движения её становились быстрее», она становится разговорчивой со стариками, с радостью берется за домашние обязанности и заводит дружбу с деревенским псом. «Маленькая Катя естественно чувствует себя в сказочном пространстве деревни (дом-колыбель, рай), среди природы, животных, красота сущего открыта ей изначально. Повествователь соотносит образ ребенка с миром национальной культуры, подружку Кати называют «Ариной Родионовной», реминисценции из сказок А. Пушкина пронизывают текст» [Ковтун, 2011. С. 76-77]. Катя раскрывалась всё больше, стала живее, но оставалась «всё ещё странной, неожиданно срывающейся и так же неожиданно затухающей живостью» [С. 317]. «-Сеня! – тревожно говорила Галя перед сном; они теперь обычно засыпали под думы и разговоры о Кате. – Мы с ней по-простому, а она как стеклянная. Не разбить бы». Катя, приобщаясь к деревенской жизни, в то же время не принадлежит ей: «Что она там видит? О чем думает? Куда отлетают её желания?»

Перед наступлением холодов за Катей приходят «чужие». И Сеня оказывается не в состоянии до последней минуты укрывать Катю, он вынужден отдать ангельское создание в чужие руки! При встрече с прежними «хозяевами» девочка мгновенно превращается в куклу, марионетку: «...точно волшебная злая пелена нашла на нее и сошла – перед ними стояла другая, до неузнаваемости изменившаяся, девочка. Лицо еще вздрагивало, еще за что-то цеплялось, но уже окаменевало, нижняя губка, дергающаяся лопаточкой вперед, прилипла к верхней, глаза затухли» [С. 327]. Именно Катя в момент опасности ведет себя как взрослая, жертвует собой во имя спасения приютивших её людей. Сеня же покорно провожает девочку до пристани, где она исчезает в «пасти теплохода», сцена отсылает к иконографическому сюжету Страшного Суда. На древних иконах ад изображается в виде огнедышащей пасти чудовищного змея [Ковтун, 2011. С. 78].

Итак, деревня в творчестве позднего В. Г. Распутина теряет статус «укрытия». Сам Ангел, посланный Свидетель, оказывается не в состоянии никого спасти, он сам нуждается в спасении. Невыполнение мужчиной-патриархом-отцом долга защитника меняет образ женщины-матери, вынужденной выполнять апотропические функции. Галя отказывается простить мужу слабость: «Галя следила за ним, словно все еще что-то ожидая, потом в неожиданном припадке уронила голову на стол и, пристукивая ею, сдавленно, страшно, чужеголосно выкрикивала: “Сеня! Сеня! Сеня!”» Рассказ в свернутом виде уже содержит основную интригу повести «Дочь Ивана, мать Ивана», где именно женщина встанет на защиту поруганной чести собственного дитя и русской земли в целом. Взявшись за выполнение мужской миссии, она неузнаваемо преобразится, будет лишена автором извечных женских черт: слабости, нежности, чувственных томлений, зато приобретет богатырскую статью и великое бесстрашие [Ковтун, 2001. С. 78].

ЛИТЕРАТУРА

1. Руди Т. Р. «Imitatio angeli»: (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература, 2003. №2. С. 48-59
2. ХРИСТИАНСТВО: Энциклопедический словарь: В 2 т.: т. 1: А – К/Ред. Кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 73-74
3. Ковтун Н. В. «Деревенская проза» в зеркале утопии / К.В. Ковтун; М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с.
4. Угловская Г. М. Рассказ В. Распутина: Динамика жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Уде: Бурятский гос. ун-т, 2006. – 161 с.
5. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. Т. 1: А—Ж. — 688 с.: ил.
6. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён. Сравнение. Происхождение. Написание. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 384 с.
7. Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть, рассказы / Послесл. В. Курбатова. – 2-е изд., доп. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. – 480 с.
8. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. - М.: Локид-Пресс, 2003. - 495 с.: ил., вкл.
9. Юрганов А. Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. [Вып. 1]. М., 2007. С. 325-350
10. Распутин В. Г. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Последний срок. Повесть, рассказы. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – 440 с.
11. Kovtun N. V. Трикстер в окрестностях современной традиционной прозы //Respectus philologicus. 2011 Nr. 19 (24)